

Двадцать четвёртого декабря детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а уж в смежную с ней гостиную их совсем не пускали. В спальне, прижавшись друг к другу, сидели в уголке Фриц и Мари. Уже совсем стемнело, и им было очень страшно, потому что в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц таинственным шёпотом сообщил сестрёнке (ей только что минуло семь лет), что с самого утра в запертых комнатах чем-то шуршали, шумели и тихонько постукивали. А недавно через прихожую прошмыгнул маленький тёмный человечек с большим ящиком под мышкой; но Фриц наверное знает, что это их крёстный, Дроссельмейер. Тогда Мари захлопала от радости в ладоши и воскликнула:

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крёстный!

Старший советник суда Дроссельмейер не отличался красотой: это был маленький, сухонький человечек с морщинистым лицом, с большим чёрным пластырем вместо правого глаза и совсем лысый, почему он и носил красивый белый парик; а парик этот был сделан из стекла, и притом чрезвычайно искусно. Крёстный сам был великим искусником, он знал толк в часах и даже умел их делать. Поэтому, когда у Штальбаумов начинали капризничать и переставали петь какие-нибудь часы, всегда приходил крёстный Дроссельмейер, снимал стеклянный парик, стаскивал жёлтенький сюртучок, повязывал голубой передник и тыкал часы колючими инструментами, так что маленькой

Оба сейчас же встали, выколотили трубки и из леса в глубине Азии прямёхонько отправились в Нюрнберг. Как только они прибыли, Дроссельмейер сейчас же побежал к своему двоюродному брату — игрушечному мастеру, токарю по дереву, лакировщику и позолотчику Кристофу Захариусу Дроссельмейеру, с которым не виделся уже много-много лет. Ему-то и рассказал часовщик всю историю про принцессу Пирлипат, госпожу Мышильду и орех Кракатук, а тот то и дело всплёскивал руками и несколько раз в удивлении воскликнул:

— Ах, братец, братец, ну и чудеса!

Дроссельмейер рассказал о приключениях на своём долгом пути, рассказал, как провёл два года у Финикового короля, как обидел и выгнал его Миндальный принц, как тщетно запрашивал он общество естествоиспытателей в городе Белок, — короче говоря, как ему нигде не удалось напасть на след ореха Кракатук. Во время рассказа Кристоф Захариус не раз прищёлкивал пальцами, вертелся на одной ножке, причмокивал губами и приговаривал:

— Гм, гм! Эге! Вот так штука!

Наконец он подбросил к потолку колпак вместе с париком, горячо обнял двоюродного брата и воскликнул:

— Братец, братец, вы спасены, спасены, говорю я! Слушайте: или я жестоко ошибаюсь, или орех Кракатук у меня!

а принцессе ничуть не легчало; когда же затем их в полубомбочном состоянии уносили приглашённые на этот случай зубные врачи, они стонали:

— Поди-ка раскуси такой орех!

Наконец король в сокрушении сердечном обещал дочь и королевство тому, кто расколдует принцессу. Тут-то и вызвался наш учтивый и скромный молодой Дроссельмейер и попросил разрешения тоже попытать счастья.

Принцессе Пирлипат никто так не понравился, как молодой Дроссельмейер, она прижала ручки к сердцу и от глубины души вздохнула: «Ах, если бы он разгрыз орех Кракатук и стал моим мужем!»

Вежливо поклонившись королю и королеве, а затем принцессе Пирлипат, молодой Дроссельмейер принял из рук обер-церемониймейстера орех Кракатук, положил его без долгих разговоров в рот, сильно дёрнул себя за косу и — щёлк-щёлк! — разгрыз скорлупу на кусочки. Ловко очистил он ядрышко от приставшей кожуры и, зажмурившись, поднёс, почтительно шаркнув ножкой, принцессе, затем начал пятиться. Принцесса тут же проглотила ядрышко, и — о чудо! — уродец исчез, а на его месте стояла прекрасная, как ангел, девушка, с лицом, словно сотканным из лилейно-белого и розового шёлка, с глазами, сияющими, как лазурь, с вьющимися колечками золотыми волосами.

– Не знаю, откуда взялись мыши у нас в гостиной. Взгляни-ка, Мари, они у тебя, бедняжки, все конфеты поели.

Так оно и было. Марципан с начинкой не понравился прожорливому Мышиному королю, но он так обглодал его острыми зубками, что остатки пришлось выбросить. Мари нисколько не жалела о сладостях: в глубине души она радовалась, так как думала, что спасла Щелкунчика. Но что она почувствовала, когда на следующую ночь у неё над самым ухом раздался писк и визг! Ах, Мышиный король был тут как тут, и ещё отвратительнее, чем в прошлую ночь, сверкали у него глаза, и ещё противнее пропищал он сквозь зубы:

– Отдай мне твоих сахарных куколок, глупышка, не то я загрызу твоего Щелкунчика, загрызу Щелкунчика!

И с этими словами страшный Мышиный король исчез.

Мари была очень огорчена. На следующее утро она подошла к шкафу и печально поглядела на сахарных и адрагантовых куколок. И горе её было понятно, ведь ты не поверишь, внимательная моя слушательница Мари,

— Ах, — в восторге воскликнула Мари, — да ведь это же то самое озеро, что как-то пообещал мне сделать крёстный! А я — та самая девочка, что должна была забавляться с миленькими лебедями.

Щелкунчик улыбнулся так насмешливо, как ещё ни разу не улыбался, а потом сказал:

— Дяде никогда не смастерить ничего подобного. Скорее вы, милая мадемуазель Штальбаум... Но стоит ли над этим раздумывать! Лучше переправимся по Розовому озеру на ту сторону, в столицу.

весёлым народцем, — ну разве могу я не согласиться, чтобы вы были моим женихом!

И Мари тут же стала невестой Дроссельмейера. Рассказывают, что через год он увёз её в золотой карете, запряжённой серебряными лошадьми, что на свадьбе у них плясали двадцать две тысячи нарядных кукол, сверкающих бриллиантами и жемчугом, а Мари, как говорят, ещё и поныне королева в стране, где, если только у тебя есть глаза, ты всюду увидишь сверкающие цукатные рощи, прозрачные марципановые замки — словом, всякие чудеса и диковинки.

Вот вам сказка про Щелкунчика и Мышиного короля.

